

С. А. Днепров,
Д. В. Потепалов

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ
ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ
ДЕТСКОЙ
БЕСПРИЗОРНОСТИ
В ДРЕВНЕЙ РУСИ
И ЦАРСКОЙ РОССИИ¹**

УДК 376.5 (1-22) (470) (09)
ББК 63.392)-21-76+63.521(=411.2)-53

В работе представлена роль сельской общины в преодолении детской беспризорности в истории России. Анализируются формы благотворительной деятельности по отношению к детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

Ключевые слова: детская беспризорность; крестьянская община; крестьянская семья; дети-сироты; внебрачные дети; усыновление; опека; благотворительность.

S. A. Dneprov, D. V. Potepalov

**CHARITY THE PEASANT COMMUNITY ON
PREVENTION OF CHILD NEGLECT IN ANCIENT
RUSSIA AND TSARIST RUSSIA**

The paper presents the role of rural communities in overcoming of children's homelessness in the history of Russia. Analyzes the forms of charitable activity in relation to children-orphans and children left without parental care.

Key words: child poverty; peasant community; peasant family; orphaned children; children born out of wedlock; adoption; custody; charity.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ № 2.76.201/н.м. на выполнение проекта по теме: «Научно-методологическая, организационная и информационная поддержка реализации концепции кадрового обеспечения системы среднего образования».

До начала бурного в социальном отношении XX в. проблема сиротства в России не имела той остроты, которую она приобрела впоследствии. Это объясняется во многом особым укладом жизни русских людей и структурой крестьянской семьи.

Русский крестьянин — единоличник, обрабатывавший землю вместе с женой и малолетними детьми, с одной-двумя лошадьми, не мог справиться с работой в климатических условиях лесной зоны, поэтому русские крестьяне жили общинами, члены которых часто были связаны родством. Целые деревни состояли из представителей 1–3 фамилий.

Коллективный характер русского земледелия оказал влияние на структуру крестьянской семьи. Традиционным типом крестьянской семьи, преобладавшим еще сто пятьдесят назад, была так называемая большая семья, состоявшая из отца, матери, малолетних детей и женатых сыновей с женами и потомством. Глава такой группы (обычно отец) звался «большаком», или хозяином. После его смерти семья обычно разделялась на более мелкие семьи, хотя иногда случалось, что после выхода из строя отца сложная семья продолжала существовать в прежнем виде под началом одного из братьев, избранного на должность большака. За главой семьи — большаком, оставалось последнее слово во всех семейных делах; он также устанавливал порядок полевых работ и проводил сев¹. Таким образом,

крестьянская семья представляла собой как бы общину в миниатюре.

Общинная модель организации большей части русского общества позволяла осиротевшим детям без особого труда найти приют у ближних или дальних родственников, поочередно кормиться у односельчан, получать милостыню и т. п. Отечественный педагог и психолог М. М. Рубинштейн (1878–1953) отмечал, что патриархальная семья «... являлась довольно крупным сообществом, члены которого были связаны друг с другом более или менее кровным родством. В таких семьях-обществах дети являлись, в сущности, общим достоянием, и потеря одного из родителей или обоих нисколько не меняла их положения»².

Причинами, по которым крестьяне брали в свою семью осиротевших детей, были не столько чадолобие, сострадание и милосердие, сколько соображения прагматического порядка. Нередко рачительные и рациональные главы семейств становились опекунами из-за желания увеличить надел общинной земли, который полагался только детям мужского пола, и приобрести в будущем дополнительные рабочие руки, а в некоторых случаях — получить денежное пособие и т. п.

С глубоких времен известен также обычай «приймачества» (усыновления). «Приймали» в семью сироту, как правило, люди пожилые, если не имели наследников. Принятый в семью должен был вести хозяйство, по-

¹ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М.: «Независимая газета», 1993. С. 31.

² *Рубинштейн Н. Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М.: Госполитиздат, 1957. С. 11.

читать своих новых родителей, а также обязан их похоронить. Известна грамота, данная вдове Феодосье митрополитом Киприаном (1404), на усыновление приемыша, согласно которой вдова завещала «свой статок весь своему дитяти Тимошке»¹.

Другая форма гуманистической деятельности — общинная, «мирская» помощь. Она связана с укоренившейся традицией благотворительности частных лиц, которую широко пропагандировала православная церковь с конца X в. В России эта традиция чаще всего принимала форму нищелюбия. В. О. Ключевский писал: «Благотворительность была не столько средством общественного благоустройства, сколько условием личного крестьянского здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему... Как в клинике необходим больной, чтобы научиться лечить болезни, так в древнерусском обществе необходим был сирый и убогий, чтобы воспитать уменье и навык любить человека»². Сущность упомянутой традиции заключалась в поочередном кормлении ребенка семьями общинников. Сироте могли также назначить «общих» родителей, которые брали его на «прокорм». До XIX в. существовали ритуальные народные трудовые праздники — «помочи», первоначально связанные с языческим богом Ярилой, олицетворявшим плодородие, прибы-

ток, урожай. «Помочи» представляли собой сложный по структуре обычай, в центре которого лежал совместный добровольный и неоплачиваемый труд крестьян для аккордного завершения какой-либо работы у отдельного хозяина или оказания помощи нуждающимся. Произведенное и собранное в этот день отдавалось малоимущим, бедствующим членам общины — вдовам, инвалидам, престарелым и т. п. Во время сиротских «помочей» лишившиеся родителей дети снабжались хлебом, дровами, лучинами. Иногда общинники совместно обрабатывали сиротские наделы в течение ряда лет³. К этому следует добавить, что, повзрослев, сирота становился равноправным членом общины. Он, наряду со всеми, получал надел общинной земли, покос, мог завести свое хозяйство. Это означало, что благотворительная деятельность по адаптации к общине была весьма эффективна.

Существовавшая в России практика благотворительной деятельности в общине по профилактике и преодолению детской беспризорности удивила и восхитила прусского исследователя А. Гакстаузена (1792—1866), совершившего путешествие по центральной России, Украине, Поволжью и Кавказу с целью изучения крестьянской общины. В своей книге он писал: «Русское общинное устройство является одним из самых замечательных и

¹ Фирсов М. В. История социальной работы в России. М.: Владос, 1999. С. 58.

² Ключевский В. О. Исторические портреты М.: Правда, 1990. С. 78.; Горинский А. С. Изменение характера деятельности педагога в инновационных процессах обучения // Инновационные проекты и программы в образовании. 2012. № 4. С. 24—29.

³ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. С. 20, 25—26, 31—32.

интереснейших государственных учреждений, какие только существуют в мире, человек может обеднеть — это не повредит его детям: они все-таки удерживают или вновь получают свой участок по общинному праву, не как наследники отца, а как члены общины; дети не наследуют в русской общине нищеты отца»¹.

В недрах сельской общины существовал своего рода механизм благотворительной деятельности по приобщению подрастающих сирот к жизни и труду. Дети, участвуя почти во всех сельских работах, быстро взрослели. В представлении крестьянина, сформировавшемся в постоянной борьбе за выживание, главной задачей было вырастить из ребенка работника. С 9—10 лет дети получали навыки основных крестьянских занятий. Мальчики приобретали умение бороновать, косить, обихаживать лошадей, девочки ухаживали за младшими детьми, доили коров, сгребали сено на сенокосе, вязали в снопы рожь. Через 5—6 лет они становились «полными работниками», то есть мальчики выполняли работу, требовавшую мужской силы, а девочки вели домашнее хозяйство².

Судя по многочисленным свидетельствам, община эффективно воспроизводила нужные ей социальные типы. Показательно суждение

известного ученого и публициста А. Н. Энгельгарда (1832—1893), который писал: «... крестьянские мальчики читают лучше, чем господские дети. Сообразительность, память, слух, обоняние развиты у них неизмеримо выше, чем у наших детей, так что, видя нашего ребенка особенно городского среди крестьянских детей, можно подумать, что у него нет ни ушей, ни глаз, ни ног, ни рук»³.

Таким образом, в Киевской Руси и Московском государстве, благодаря крестьянской общине, существовало достаточно много форм, препятствовавших усугублению асоциальности детей и превращению их в беспризорников. Однако трудно предполагать, что детская беспризорность в те времена отсутствовала вообще. Антигуманность и асоциальность самой жизни общества была очень высока. Основными асоциальными факторами были эпидемии, войны, пожары, стихийные бедствия, сложные природные условия и практически постоянный спутник жизни людей — голод. Жизнь допетровской России историки сравнивают с жизнью военного укрепленного лагеря, где одни — служилые люди — постоянно готовы к бою, а другие — крестьяне и горожане — доставляют средства, нужные для войны и содержания войска⁴.

¹ Мельников В. П., Холостова Е. М. История социальной работы в России. М.: Маркетинг, 2002. С. 187.

² Российская повседневность: от истоков до середины XIX века: учебное пособие / под ред. Л. И. Семенниковой. М.: КДУ, 2009. С. 151.

³ Социальная работа / под ред. В. И. Курбатова. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 272; Горинский А. С. Становление ценностных оснований современных эвристических технологий обучения // Образование и наука. 2010. № 11. С. 62—72.

⁴ Князьков С. Голод в древней России / С. Князьков. СПб.: Б.и., 1913. С. 17.

Следствием плохих почв, ненадежных осадков и короткого периода полевых работ являлась низкая урожайность¹. Низкие урожаи приводили к постоянному недоеданию. Вплоть до начала XX в. крестьянин потреблял около 1500–2000 килокалорий в сутки при потребности в 3000². До XVII в. летописцы зафиксировали сорок три случая серьезного голода на Руси — в среднем 8 случаев на столетие. Вот картина, которую рисует летописец: в 1128 г. совсем не стало хлеба в стране. «Отцы и матери отдавали даром иноземным купцам своих детей». Тот же ужас повторился в Новгороде в 1214–1215 гг. «О, горе тогда братья, бьяше! Родители детей своих даром отдавали»³. Если к этому добавить стихийные бедствия, климатические катаклизмы, постоянные в «деревянной» Руси пожары и др., то становится очевидным, что никто в те времена, а особенно ребенок, не мог быть застрахован от опасности «опуститься на дно».

Еще одним фактором детской асоциальности была христианская мораль Русской православной церкви. После крещения Руси в 988 г. и установления моногамного брака настоящими изгоями общества постепенно становятся «незаконнорожденные» дети. Уже в XI в. в киевских христианских кругах была крепка мысль, что

«от греховного бо корени зол плод бывает»⁴. Таким образом, борясь за чистоту нравов, церковьвольно или невольно культивировала негативное отношение к детям, рожденным вне брака. Неизвестно, как обстояло дело с крещением таких детей, но нельзя исключать, что многие из них долгое время оставались некрещеными, а именно это и делало их изгоями с точки зрения церкви и общества.

В общественном сознании со временем сформировалось твердое убеждение, что из «незаконных» детей могут вырасти только тати (воры, разбойники) и блуди (гулящие, проститутки). Часто именно так и случалось, поскольку настороженное и презрительное отношение общества формировало и усиливало асоциальность «незаконнорожденных» детей, толкало их в среду антиобщественных элементов. Б. Н. Миронов небезосновательно пишет, что русские крестьяне резко отрицательно относились к внебрачной рождаемости. Внебрачные дети, не узаконенные через последующий брак, считались «незаконнорожденными». Рождение вне брака сурово осуждалось. Женщине, в особенности девушке, родившей ребенка вне брака, и ее семье грозили позор, презрение односельчан, а без помощи родителей — и нищета. Нередко она была вынуждена покинуть деревню,

¹ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М.: «Независимая газета», 1993. С. 18.

² *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. Т. 1. С. 57.

³ *Князьков С.* Голод в древней России / С. Князьков. СПб.: Б.и., 1913. С. 5–6.

⁴ *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Л.: Изд-во и тип. Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1947. С. 184.

переезжать в город, становиться проституткой, подкидывать ребенка или в отчаянии убивать его. Незавидна была и судьба «незаконнорожденных» детей, так как родители «согрешившей» матери часто отворачивались от нее и от ее ребенка. Ни отец, ни государство, ни община по закону не обязаны были содержать внебрачных детей¹.

На увеличение внебрачной рождаемости влиял и пресловутый обычай права «первой ночи». Феодал, бывший почти полным властелином в своем поместье, беспрепятственно развращал крестьянских жен и дочерей, делая их своими наложницами. Позже они зачастую попадали в ряды городских «преlestниц», чья жизнь была полна приключений.

Можно утверждать, что именно «незаконнорожденные» дети были главным источником пополнения рядов беспризорных в допетровской России. Общество совершенно не задумывалось о том, что рождение ребенка не может быть незаконием, что новорожденный не может нести ответственности за обстоятельства своего зачатия. Многовековое бесправие внебрачных детей самым губительным образом сказывалось на их здоровье и жизни. У них было слишком мало шансов выжить, но и выжив, они обычно пополняли ряды нищих, преступников, отбросов общества.

Таким образом, с достаточной большой долей вероятности можно предполагать, что детская беспризорность

в Киевской Руси и Московском государстве существовала, хотя масштабы ее были относительно невелики.

Но, очевидно, не только сравнительно небольшая численность беспризорников связана с благотворительной деятельностью сельской общины. Упоминания о детях вообще крайне редки. Возникает целый ряд вопросов: почему? Каков был общественный статус детей в этот период отечественной педагогики? Каким было отношение взрослой части общества, в том числе и родителей, к ребенку?

В отличие от России, Западная Европа располагает большим количеством архивных и других материалов по истории своих стран и народов. Важные выводы о благотворительной деятельности содержит книга выдающегося французского историка, представителя школы «Анналов» Филиппа Арьеса (1914–1984) «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке»². На основе анализа широкого круга источников автор пришел к выводу, что до XVI в. в обществе отсутствовало понятие о ценности жизни ребенка. В Средние века еще не была открыта категория детства как особого качественного состояния человека. Детство считали не более чем кратким переходным этапом. Детей не воспринимали как полноценные человеческие существа и не дорожили ими. Детская смертность была столь высока, что не вызывала не только больших переживаний, но

¹ *Потепалов Д. В.* Детская беспризорность в России в период Средних веков и начале Нового времени // *Качество. Инновации. Образование.* 2013. №7. С. 31.

² *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, Изд-во Урал. гос. ун-т, 1999. 416 с.

вообще эмоций. Медиевисты отмечают, что во всех мемуарах и письмах этой эпохи крайне редко встречаются упоминания о смерти детей. Высокая смертность покрывалась еще более высокой рождаемостью. Никто не думал, что ребенок уже являлся человеческой личностью. В одном из стихотворений XIII в. говорится:

... ребенок, не достигший шестилетнего возраста,

Мало чего стоит, потому что мало что умеет и знает.

Еще одним, не красящим людей Средневековья явлением было терпимое вплоть до конца XVII в. отношение к детоубийству. Речь не идет о разрешенной практике, как в Древнем Риме; детоубийство было преступлением, которое сурово каралось. Однако к нему прибегали тайно, достаточно повсеместно, маскируя под несчастный случай, — дети умирали от нечаянного удушья в постели родителей, с которыми они спали. Ничего не делалось ни для того, чтобы убедить их, ни для того, чтобы спасти. Сохранились документы, в которых епископы с наводящей на подозрения яростью запрещают укладывать детей на ночь в постели с родителями, где слишком часто случается, что ребенок гибнет, задохнувшись.

Трудно предполагать, что в Русском государстве и допетровской России отношение к детству было иным, чем в Западной Европе.

Никаких свидетельств обратного нет. В первую очередь, обращает на себя внимание очень высокая детская смертность. Причем если в передовых странах Западной Европы она с XVIII в. стала заметно сокращаться, то Россия в начале XX в. стала европейским лидером по детской смертности, о чем с огромной тревогой писали русские врачи. Так, в Германии, Австрии, Швеции, Франции в XVII—XVIII вв. общий коэффициент смертности составлял 25—28 на тысячу человек населения, в то время как в России даже в 1913 г. — 31 на тысячу. Среди православного населения России, и в особенности среди русского населения, до 1860-х гг. господствовала самая расточительная, неэффективная, можно сказать, экстенсивная модель воспроизводства населения. Причина этого состояла в том, что у православных женщин до середины XIX в. существовала иная психологическая установка, другая парадигма в отношении числа рождающихся и умирающих детей: полагаться не на себя, а на Бога. Вся забота нашего крестьянина о детях в раннем возрасте яснее всего выражалась в пословицах: «Жив, так и не тронь, а умер, так Бог прибрал — святая душенька будет» или «Если ребенок родится на живое, то выживет, если на мертвое, так умрет»¹. Эта психологическая направленность проявлялась в скудности и отсутствии гигиены в крестьянских семьях,

¹ *Потепалов Д. В.* Отношение к детству и детям в русской средневековой культуре // Инновационные процессы в образовании: стратегия, теория и практика развития: Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 11–14 ноября 2013 г. / Науч. ред. д-р пед. наук, проф. Е. М. Дорожкин и др. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. Том I. С. 69.

которые, в свою очередь, приводили к высокой детской смертности.

Уход за детьми, даже за первенцем, был минимальный. Из десяти родившихся в страду детей в русской деревне выживало двое, поскольку матери уже через несколько дней после родов уходили на полевые работы¹.

Распространенным явлением было детоубийство. Известный юрист, профессор М. Н. Гернет (1874—1953), в изданной в 1911 г. книге «Детоубийство» писал: «Наши предки не составляли исключения относительно обычая убивать детей: детоубийство имело место и у них считалось дозволенным»².

После образования государства и крещения Руси разбор дел об убийствах детей долгое время входил в компетенцию исключительно духовных судов. Стоглавый собор 1551 г. снова подтвердил изъятие из подсудности светских судов данных дел. Лишь Соборное уложение царя Алексея Михайловича (1629—1676) 1649 г. отчасти передало рассмотрение этих дел в руки светских властей. При этом светское правосудие, в отличие от церковного, рассматривало детоубийство как привилегированный вид убийства, то есть не представлявший большой общественной опасности³.

XVIII в. был отмечен значительными социокультурными изменениями в российском государстве. Так,

реформы Петра I (1672—1725) имели негативные последствия для социальной сферы. Проблема детской беспризорности приняла значительные масштабы. Рост числа беспризорников стал следствием создания регулярной армии и введения Петром I пожизненной рекрутчины. В 1705 г. он ввел регулярную рекрутскую квоту, при которой от каждых двадцати сельских и городских дворов требовалось поставить одного солдата в год, — пропорция составляла примерно три рекрута на каждую тысячу жителей⁴. Такая система комплектования армии резко увеличила число мужчин, не состоящих в браке.

Следовательно, к уже существующим добавился новый, очень сильный асоциальный фактор, активно провоцирующий детскую беспризорность. Его действие продолжалось до отмены в 1874 г. рекрутской системы комплектования армии.

Самым пагубным образом на положении детей сказалось обнищание деревни, вызвавшее сокращение социально-педагогических функций сельской общины. Увеличилась детская смертность как по причине голода, так и детоубийства. Не имея возможности прокормить детей, а также из-за введения подушной подати крестьяне нередко отдавали детей, особенно мальчиков, случайным людям или выгоняли из дома.

¹ Ульянова Г. Доля сиротская / Г. Ульянова // Социальная защита. 1991. № 5. С. 68.

² Гернет, М. Н. Детоубийство / Антология социальной работы: в 3 т. М.: Сварог, 1995. Т. 2. С. 288.

³ Потепалов Д. В. Права внебрачных детей в царской России // Высшее образование сегодня. 2015. № 1. С. 75.

⁴ Пайнс Р. Россия при старом режиме. М.: «Независимая газета», 1993. С. 163.

Ситуация с детским вопросом усугублялась низким уровнем культуры крестьянского сословия. Кроме того, крестьяне не получали необходимого медицинского обслуживания, а также оставалось распространенным явление неграмотности у сельского населения. Итогом было усиление беспризорничества и увеличение детской смертности.

На протяжении веков крестьянство оставалось количественно преобладающим сословием в царской России. Например, численность привилегированного сословия (дворянства) к началу 1860-х гг. достигала 1,7 млн чел. (1,5 %), а самым многочисленным сословием было крестьянство, составлявшее в то время около 100 млн (71 %). Следовательно, среди беспризорных детей было по-прежнему, с одной стороны, много выходцев из сельской местности, а с другой — она оставалась важной формой благотворительной деятельности, предотвращавшей сиротство. Возникает несколько вопросов: «Изменялась ли семейная модель организации большей части русского общества с течением исторического времени?» Сохранялись ли основные функции сельской общины

на протяжении столетий?» Сельское население и в XIX в. продолжало жить дедовскими обычаями. Глава семейства полновластно решал дела детей — шла ли речь о женитьбе или замужестве, об отдаче в обучение или об уходе из дома. Деревенская община — «мир» делила землю и раскладывала подати на крестьянские дворы, помогала неимущим, следила за благочестием и нравственностью односельчан¹. Коллективная помощь распространялась, в том числе, и на осиротевших детей.

Итак, несмотря на равнодушие, грубость и жестокость тех времен, массовая детская беспризорность в Древней Руси и царской России отсутствовала. Связано это было в значительной степени с особой ролью сельской общины. На протяжении всего изучаемого исторического периода (X—XIX вв.) община была своеобразной традиционной общественной организацией, которая весьма эффективно осуществляла вскармливание и возвращение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на бескорыстной или возмездной основе, т. е. реализовывала благотворительную деятельность в их отношении.

Список литературы

1. Аръес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Ф. Аръес. — Екатеринбург, Изд-во Урал. гос. ун-т, 1999. — 416 с.

2. Гернет, М. Н. Детоубийство / Антология социальной работы: в 3 т. — М. : Сварог. — 1995. — Т. 2. — 400 с.

¹ Российская повседневность: вторая половина XIX — начало XXI века: учебное пособие / под ред. Л. И. Семенниковой. М.: КДУ, 2009. С. 13.

3. Горинский, А. С. Изменение характера деятельности педагога в инновационных процессах обучения / А. С. Горинский // Инновационные проекты и программы в образовании. — 2012. — № 4. — С. 24—29.
4. Горинский, А. С. Становление ценностных оснований современных эвристических технологий обучения / А. С. Горинский // Образование и наука. — 2010. — № 11. — С. 62—72.
5. Громыко, М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М. М. Громыко. — М. : Наука, 1986. — 274 с.
6. Ключевский, В. О. Исторические портреты / В. О. Ключевский. — М. : Правда, 1990. — 622 с.
7. Князьков, С. Голод в древней России / С. Князьков. — СПб.: Б.и., 1913. — 164 с.
8. Мельников, В. П. История социальной работы в России / В. П. Мельников, Е. М. Холостова. — М. : Маркетинг, 2002. — 342 с.
9. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX века): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. — СПб. : «Дмитрий Буланин», 2000. — Т. 1. — 549 с.
10. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. — М. : «Независимая газета», 1993. — 423 с.
11. Потепалов, Д. В. Детская беспризорность в России в период Средних веков и начале Нового времени / Д. В. Потепалов // Качество. Инновации. Образование. — 2013. — №7. — С. 28—35.
12. Потепалов, Д. В. Отношение к детству и детям в русской средневековой культуре / Д. В. Потепалов // Инновационные процессы в образовании: стратегия, теория и практика развития: Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 11—14 ноября 2013 г. / Науч. ред. д-р пед. наук, проф. Е. М. Дорожкин и др. — Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. — Том I. — С. 68—70.
13. Потепалов, Д. В. Права внебрачных детей в царской России / Д. В. Потепалов // Высшее образование сегодня. — 2015. — № 1. — С. 74—76.
14. Романов, Б. А. Люди и нравы Древней Руси / Б. А. Романов. — Л. : Изд-во и тип. Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1947. — 344 с.
15. Российская повседневность: от истоков до середины XIX века: учебное пособие / под ред. Л. И. Семенниковой. — М. : КДУ, 2009. — 240 с.
16. Российская повседневность: вторая половина XIX — начало XXI века: учебное пособие / под ред. Л. И. Семенниковой. — М. : КДУ, 2009. — 244 с.
17. Рубинштейн, Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. / Н. Л. Рубинштейн. — М. : Госполитиздат, 1957. — 495 с.
18. Социальная работа / под ред. В. И. Курбатова. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. — 575 с.
19. Ульянова, Г. Доля сиротская / Г. Ульянова // Социальная защита. — 1991. — № 5. — С. 66—68.
20. Фирсов, М. В. История социальной работы в России / М. В. Фирсов. — М. : Владос, 1999. — 247 с.